

Он оглядел её и сказал,

— В конце концов, переломить тебя проще простого. Мне от тебя лишь нужно две вещи. Первое, что ты скрываешь от нас. Такие, как ты, всегда что-то скрывают от других. А другое, это то, что ты скрываешь от себя. Люди всегда в чем-то себя обманывают, что-то зарывают поглубже в сознании. Но стоит мне до этого докопаться, ты сразу поймешь насколько оно важно для тебя, как, собственно, и для меня. Ты, конечно, будешь пробовать сбить с толку, но, в итоге, все равно сломаешься. Стоит мне обнаружить, что ты пытаешься скрыть от себя, ты мне дашь тот рычаг, что позволит перевернуть твой мир. И я сдерну это покрывало, за которым ты укрываешься, и тебе некуда будет бежать и спрятаться, и вот тогда все твои убеждения о самой себе превратятся в прах. Я заставлю тебя круто перевернуть свое представление о жизни. И твое похищение будет казаться мелочью по сравнению с твоими новыми убеждениями и ценностями. И ты с этим ничего не сможешь поделать. И будь уверена, тебе от меня не сбежать. А если попытаешься, то знай — придется тебе плыть и долго. А если каким-то образом, тебе всё же удастся, то как ты думаешь, твоей семье так же повезет? Твои родители как раз по телеку выступают, говорят о твоём исчезновении, как они тебя любят. А ты их любишь взамен? Любишь свою милую тетюшку? Очень ли ты их любишь, чтобы не впутывать их во всё это? В твоём кошельке было всё, что нам нужно о тебе знать. Твой адрес в Миссиссипи. И мы теперь знаем, где живет твоя тетюшка и дедушка. Знаем, где живут твои друзья. Поверь, полиция не сможет защитить их всех. Ты теперь моя, твое тело — моё. Но если до этого дойдет, обещаю, твоя матушка или тетюшка займут твое место в течение 24 часов.

Он склонился над ней.

— Ты этого хочешь? Ты мне веришь? Ты хочешь увидеть свою мать на твоём месте, распластанной и привязанной к этой кровати? Только ты можешь их защитить. Я человек слова. Посмотри мне в глаза. Ты мне веришь?

Она взглянув в его карие глаза, и конечно, она ему верила.

— Конечно, — продолжал он, откинувшись на спинку кресла. — Ты всегда можешь попытаться покончить с собой, но ведь это не вариант для такой католички, как ты?

Она проигнорировала его усмешку и не хотела глядеть ему в глаза. Боссман же кивнул, и пока он говорил, другой человек подошел к Вике.

— У твоего нового хозяина есть некоторые требования к его рабам.

Левой рукой Элвис схватил Викторию за волосы и пригнул её голову к правому плечу. Правой схватил какой-то прибор, который Вики не заметила. Он учуяла тошнотворный запах, когда его стержень накалился до красна. Без предупреждения Элвис приложен конец за левым ухом Виктории. Внезапная боль пронзила Викторию и она почувяла запах опаленных волос. Через пять секунд Элвис убрал раскаленный стержень. Зеленые глаза Виктории от шока и боли чуть не вылезли из орбит.

Боссман слегка улыбнулся и объяснил:

— Твой новый Мастер любит, чтобы его собственность была помечена, чтобы не было недопониманий и ошибок. Твоя пометка почти незаметна. Она тебя не будет беспокоить.

Я мычала, как дикая корова. Я даже не успела заплакать, когда всё уже было сделано. Мои глаза наполнились слезами боли и унижения, и стали стекать по моим щекам. Где-то внутри загорались искры гнева.

— Не может быть, — проносилось у меня в голове. — Не может быть!

Не произнося ни слова, Элвис сел верхом на моем животе. Под его весом я не могла дышать. Он снял резиновую перчатку с левой руки и взял её в правую руку.левой же стал хлестать мне по грудям. Меня никто так не наказывал, отчего я в шоке замерла. Чуть оправившись, я стала дергаться, пытаюсь скинуть его. Хоть это и было тщетно, и я это понимала с самого начала, но попытаться стоило. Прижав меня к кровати, мужчина продолжал меня шлепать и дергать за соски, пока они оба не стали эрегированными.

— В самый раз, — улыбнувшись, сказал Элвис. Он достал что-то похожее на большую булавку и проколол основание соска моей левой груди. Я дернулась от боли и завывала в кляп.

Он схватил вторую булавку и в той же манере проколол правый сосок. Дышать было тяжело, я задыхалась от слюны, накопившейся позади кляпа, пыталась часто моргать, но слезы ручьем текли из моих глаз. Боль в каждом соске была нестерпима и никуда не уходила. Она, казалось, всё росла и росла. Я вспотела с головы до пят. И мне по-прежнему не хватало воздуха.

Капелька крови просочилась из проколов ее груди, и не говоря ни слова, Элвис снял иглу из ее левого соска, и толкнул тонкую 3-х сантиметровую золотую штангу через прокол. На одном конце штанги было кольцо, а на другом конце резьба. Из-за больших рук он с трудом ввинтил небольшой декоративный колпак на конец штанги. То же он проделал с правой грудью. У Вики теперь было по небольшой штанге с кольцом на ней через каждый сосок. Наконец, он капнул припоя из жидкого золота на каждый колпачок, заблокировав штанги в груди Виктории.

Боссман, глянув на неё, сказал:

— Сейчас пока болит, но вскоре боль пройдет. Я уже проделывал это раньше, так что к концу недели ты уже будешь здорова.

Он подошел к ней, и вынув из кармана небольшой тюбик, смазал области пирсинга.

Я знала, что мои глаза источали искры гнева от того, что он поделал со мной. Я предпочла бы умереть, но дать ему ни толики удовлетворения. Я отвернула голову, стараясь не смотреть на него. Если б мне удалось продержаться достаточно долго, я знала, что мне представится шанс,

чтобы сбежать.

Боссман улыбнулся про себя. Он так часто проделывал это и раньше, что мог читать по её глазам, как по открытой книге. У неё никогда не будет шанса сбежать, пока она на лодке. А к тому времени, когда они закончат, она уже и не захочет.

Начать с клеймения и прокола сосков — это хорошее начало, — думал он. — Она пока еще очень наивна, а её красивые зеленые глаза, как окно в её душу — давали судить об эффективности каждого шага, и что предпринять в дальнейшем. Время пошло. Он уже сломал множество женщин, также будет и с этой. Опыт подсказывал, что психологический аспект всегда важнее в ломке воли женщины, чем физические страдания, которые лишь закаляли её.

Хотя он знал, что он хотел от нее, он все еще не решил в деталях, что же требовалось, чтобы превратить ее в то, что он хотел. Она, казалось, не обладала особо сильной волей, но на Канкуне его команда обнаружила некоторые интересные факты. Чрезмерная опека её семьей сделала её довольно бесхитростной в интеллектуальном смысле. Кроме того, у нее были твердые убеждения, в частности о семье; эти чувства верности и общности были довольно странными и старомодными, но он думал воспользоваться ими. Другим интересным и лакомым кусочком было то, что хотя она и была склонна считать себя скромной и застенчивой, а возможно даже и целомудренной, были случаи, когда она вела себя совсем по-другому. Так, пару раз в Канкуне наблюдатели к своему удивлению замечали, что после нескольких бокалов, она готова было отдаться нескольким парням, одному на пляже и другому в баре как-то ночью. Причем одевалась довольно провокационно. Из тех случаев, конечно, ничего не вышло, но было довольно интересно, и казалось несколько аномальным. Для него было очевидным, что был некий разрыв между тем, как она иногда действовала и как себя воспринимала, что давало предполагать, что она могла быть более сексуальной, нежели думала сама.

<http://erolate.com/book/892/20387>